

Расторжение брака? Взаимодействие языков литературы и медиа в России: 1985--2011

Ритмизация в неофициальной подцензурной русской прозе 1970-х годов

Из повести Василия Аксёнова «Золотая наша железка» (1973):

Призыв памяти

Не забывай, не забывай, не забывай ярко-синего моря и всего, что связано с ним, не забывай ярко-черного рояля и всего, что связано с ним, не забывай ярко-белого Эльбруса и всего, что связано с ним, не забывай ярко-желтой яичницы и всего, что связано с ней, не забывай ярко-зеленого поля и всего, что связано с ним, не забывай ярко-красной, ледящей и пьянящей рябины и всего, что связано с ней, не забывай ничего голубого.

Призыв благородной души безвременно усопшего пуделя Августина

Безвременно не усypайте, безвременно не усыxайте, безвременно не икайте, не рыгайте, безвременно не проклинайте, безвременно не искушайте, не жирейте, не пьянейте, не старейте, безвременно не молодейте, потому что и я усop не безвременно, а просто пришло мне время погонять по райским лугам за той мухой, которую я не обидел.

Ритмизация в журналистике периода перестройки

Из эссе Александра Терехова в журнале «Огонек» (1989):

Все уходят, а остается: шкурки от семечек, винные шлейфы, бумажные кружочки от мороженого -- я не пойму, о чем я хотел вам сказать; когда ничего не можешь сказать наверняка, всегда трудно понять, что ты хотел, угасает свет и размывает стены туманом, туман сливается с гранитной набережной, сметанной мглой заледенелой реки с лиловыми проталинами посреди -- и нет нигде клочка земли... Мы заканчиваем, дорогие товарищи, мы заканчиваем... Сережа Середя прыгал через мост... он умер от рака в прошлом году -- вот это можно сказать определенно, это не понарошку... вечное бытие -- самая сладостная привилегия читающих, и если мы действительно самая читающая держава, тогда понятно, почему мы так устаем от жизни, даже когда не делаем ничего, а он прыгал через мост -- мосты сводятся, смыкаются незримые своды, пальцы ищут секреты в рыхлой земле, соединяются руки над бездной цирковой -- точка касания...

Но только... в цирке не говорят "последний раз".

Не надо так говорить. Скажите -- еще раз, вот так -- еще раз.

Поэзия в блогговом пространстве: из поэмы Кирилла Медведева «Текст, посвященный трагическим событиям 11 сентября в Нью-Йорке» (2001):

Больше всего меня интересует, можно ли говорить живым человеческим языком об этих террористических актах и тому подобных вещах. Можно ли говорить и писать о таких вещах без всех этих газетных накрутов, лжи, информационной спекуляции, базарного кликушества? (А можно ли говорить о том, что на какое-то время перевесило для тебя *всё остальное*, без лжи, спекуляции и дурного базарного кликушества?) <...>

Мне нравятся многие статьи на тему этих терактов. Они написаны по горячим следам, и поэтому их авторами движет какая-то очень сильная и *сырая* страсть. В

этих статьях нет той сытой необязательности, которая была бы неизбежна в таких статьях в спокойное время.

Из дневника [Мохаммеда] Атты

«Очисти своё сердце, освободи его от земной суеты. Время веселья и праздности миновало. Судный час приближается, и мы должны просить Всевышнего о прощении... Пророк побеждал неверных, имея сто человек против тысячи».

<...>

Вот уже несколько дней после того, что произошло, я слежу за всеми событиями и постоянно читаю сводки новостей и статьи в Интернете на тему этих терактов. (Правда, иногда мне начинает казаться, что мне дают только ту информацию, которую хотят дать. Мной манипулируют?!)

Поэзия деконструирует язык медиа-новостей: из стихотворений Станислава Львовского

Пять новостей накануне 9 мая 2007 года

1.

Любовники, убившие в Киеве россиянина Курочкина, сожжены

редактор раздела

«Происшествия и криминал»: ну да, а чего это господь наш, бог Израиля в смысле русских как избранного народа.

всё сожжёт, ничего не оставит.
блядь, любовь такое слово, пиздец вообще.
белая гвардия, Лариосик там, Мышлаевский.
группа такая была – чего-то она в октябре,
била копытами о подоконник.
Курочкин – это вообще драматург.
его-то за что? как же, блядь есть хочется, Женя.
кого бы в «Ростикс» отправить?
блядь, некого. заказать что ли пиццу?

2.

С начала 2007 года инфляция в России составила 4%

редактор раздела

«Экономика»: ну да, а чего ты видел, какой у них агрегат M1? аж трясётся весь, аж дымится. и они пиздят про четыре процента вот реально, там семь и скорее что с половиной. научились, блядь

смотреть в калькулятор –
ты по рынку пройдишь,
купи килограмм помидоров.
блядь, как есть хочется, Паша.
ставь давай текст, может, а?
и поехали в «Маяк» уже, водки.

3.

Ученик 11-го класса из-за оценки нанес шесть ножевых ранений учительнице

редактор раздела
«Происшествия и криминал»: ну да, а чего
блядь, я бы тоже нашу Ларису.
Достоевский – великий русский писатель.
Валентин Распутин – певец русской деревни.
пока вы тут, в шестнадцатом кабинете, –
чтобы я не слышала этих слов:
хорошо, плохо – и так, блядь, два года.
помню вот, Левин косит с утра
лужайку типа. охуеть, это всё
байда какая-то, Потудань.
отрывал листочки и пускал по Вилюю.
вот бы, блядь, её пустить по течению.
рыбу там кормить. или раков.

ёб твою мать, Женя, как хочется есть
где, блядь, моя пицца четыре сезона?

4.

Нефтегазовые концерны РФ страдают от высоких налогов и растущих затрат

редактор раздела
«Экономика»: ну да, а чего.
ты в Ханты-Мансийске бывал вообще?
я бывал. нормально, бассейн, ты плывёшь
под тобой два метра воды, а потом
кафель и вечная мерзлота вроде того.
и там бабы такие, в купальник не помещаются.
ты представь прокормить
она же как слон в зоопарке.
ей водки одной ведро, чтоб согрелась.
и тут ещё ЕСН двадцать девять процентов.
если бы я был, не знаю там, Алекперов
я бы вообще, блядь, повесился от этой нефтянки.
ты не видел, блядь, просто, какие там бабы.
и у каждой ещё спиногрызы, по двое, по трое.

блядь, как же есть-то хочется, Паша
поехали, говорю, ужинать, уже эти новости на хуй.

5.

В Ставрополе воспитательница детсада заклеила рот скотчем шестилетней девочке

редактор раздела
«В России»: ну да, а чего.
это блядь, не ко мне.
это в «Происшествия», вы чего, охуели?
блядь, я тоже может пиццу хочу,
а деньги кончились.
поезда до Таллина отменили
перекрыли движение в Центре.
нефтегазовые концерны
по всей Федерации
задыхаются и просят пощады.
инфляция вон четыре процента.
проконсулы уже в тридцати провинциях
перешли на сторону Цезаря.
всё равно детей в саду кормят перловкой.
от которой тошнит потом, не надо, я помню.

скотч, вот же. блядь, как хочется есть.
чаю, что ли, поставить там, бутерброды.
*

любовники, убившие в Киеве
россиянина Курочкина, сожжены.
женщины Ханты-Мансийска
по пояс вросли в мёрзлую глину
из которой хлещет чёрное масло.
Левин раскалённой косой пожинает
чёрствые московские помидоры.
разлетевшиеся куски агрегата
M1 догорают на школьном дворе.

*

скважины ваши, – эта земля говорит, –
болят и не заживают.
мёртвые ваши, – эта земля говорит, –
слишком медленно умирают.
как же, блядь, хочется есть, –
эта земля говорит, –
давайте уже, ложитесь,
может хоть так уймётесь.
успокойтесь.
отоспитесь.

Из поэмы «Чужими словами»:

Конрад Генлейн требовал для *Sudetendeutsche*
автономии, только автономии.
но потом.

не факт, что Генлейн
хотел этого. навряд ли.

<...>

мы обращаемся к вам в этот миг надежды, которая, однако, пока еще в опасности —
это всего
четырнадцать из двух тысяч слов. леса Боржомии и Кикети продолжают гореть. мы не
знаем теперь
на чьей стороне правда, да и *правды*, как мы понимали ее прежде, больше нет.
есть только комитет по невмешательству в испанские дела, говорящий опарыш
джадан, набрасывающий (в духе корпорации *RAND*) один за другим эскизы
ядерного удара то по батуми, то по припяти, то по гданьскому коридору,
то по собственным
детям.

итак, правда не побеждает, правда просто остается, когда прочее уже разбазарено.

<...>

впервые за сто лет, и на глазах моих, — пишет в четырнадцатом году О. М.,
— *меняется твоя таинственная карта.*

ну, конечно же, к небу, — пишет Звиад Ратиани.
а откуда еще ждать беды?
откуда еще ждать спасения? и куда еще
смотреть?

всю ночь бомбили город. леса продолжают гореть, скоро сентябрь.

версальский диктат — не закон для нас. нас заставили подписать его,
приставив пистолет к виску, под угрозой голода для миллионов людей.
и после этого этот документ, с нашей подписью, полученной силой,
был торжественно объявлен законом.

эвакуация начинается с первого октября. без проведения любых разрушений.
А. говорит: *я пока в шоке, но это хорошо, что вы задаете вопросы.*

многое предстоит пережить, —
пишет Гёльдерлин, — *нельзя отказаться от веры.*